

ДВИНСКИЙ БЕРЕЖОК

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬНЫЙ ВЕСТНИК

№21 ЯНВАРЬ 2019 ГОДА

• Памятники Тверской провинции

РЫБАКУ

14 ноября в Набережном саду Осташкова торжественно открыли памятник рыбаку. Это уже второй по счёту в Тверской области (первый стоит на набережной в горсаду Твери).

Скульптура представляет собой бронзовую статую мужчины в рыбацкой одежде и сапогах, с удочкой и ведром, полным рыбы, а у ног крутится кот-попрошайка.

Автор скульптуры – известный тверской скульптор Евгений Антонов, народный художник России, председатель Тверского отделения Союза художников России, священник. Им созданы многие памятники в Твери: ликвидаторам чернобыльской катастрофы на Смоленском переулке, подводникам на набережной Афанасия Никитина, легендарному экипажу Степана Горобца и рабочему классу «Договор тысяч» в Пролетарском районе.

Все работы по созданию памятника рыбаку и благоустройству горсада (дорожки, домик рыбака и т.п.) выполнены за счёт мецената Анатолия Мозгова, который питает особые чувства к Осташкову и любит этот город. В благодарность муниципалитет установил памятную табличку рядом с памятником, где указал имя жертвователя.

« ПЛАВНО ПЕСНЮ ПОВЕЛА... »

Вера ГРИБНИКОВА

г. Тверь

Родилась в 1959 году в посёлке Селижарово Тверской области. Окончила среднюю школу в Селижарове, техническое радиочулище в Торжке, Ржевский совхоз-техникум.

Стихами увлекалась со школьной скамьи, но серьёзный вкус к поэзии проявился в зрелом возрасте. В течение 11 лет руководила творческим клубом «Роса» при библиотеке имени Герцена. В 2000м году была принята в Союз Писателей России. Была секретарём Тверской областной писательской организации. Неоднократно побеждала в различных литературных конкурсах. Автор нескольких поэтических сборников.

ВЫШИВАЛЬЩИЦА

Переделала дела,
Протянула нить в иголку,
Плавню песню повела,
(Не привыкла втихомолку).

Грёзой высветлило взор.
Ожила иголка в пальцах,
И мелодии узор
Продолжается на пальцах.

Завиточек, лепесток...
Под руками чаровницы
Полотняный лоскуток
Скоро в чудо превратится.

Славя женскую судьбу
Гладью радужного шёлка,
На холсте творит волшебство
Песня, вдтая в иголку.

* * *

Во избежание сплетен и камней
Прислушайся к совету обязательно:
Навязываться никому не смей,
Привязываться тоже нежелательно
Автор

«Добра не делай, не получишь
зла».

Пословицу сию поймёт не каждый.
А подружи капусту и козла –
Её он всё же слопаёт однажды.

Нет новых истин, все стары, как
мир.
Не сознаём, восторженно-умильны,
Что нами создаваемый кумир
Всего-то лишь пузырь, к тому ж,
не мыльный.

Приятен мыла тонкий аромат,
Под радужный пузырь спешат
ладошки.
А этот, лопнув, оставляет смрад,
И долго на душе скребутся кошки.

Однако, мне, всё так же, не мила
Пословица, что сквозь века
пророчит:
«Добра не делай, не получишь
зла»,
И сердце принимать её не хочет.

(продолжение на стр. 2).

стр. 1

(начало на стр. 1).

СУДЬБЕ

Былого груз... Грядущего
туманность...
Сегодняшнего утра торжество.
Воспринимать судьбу свою, как
данность,
Наверное, разумнее всего.

Являясь в мир в означенные сроки,
Вверяемся судьбе. И мы в пути.
Вот только бы усвоить все уроки,
Вот только б мимо знаков не пройти.

Как важно в жизни быть самим
собой.
Мне ведомо теперь, что ты, судьба,
Рифмуешься с борьбою и
мольбою,
И с ужасом позорного столба.

Кишмя кишат соблазны и пороки,
Но веря, как слепец поводырю,
За все (и даже горькие) уроки,
За каждый шаг тебя благодарю.

Чтоб не обуглил яркий пламень
душу,
Не оглушала медная труба,
Чтоб чёрный омут выпускал на
сушу,
Учи меня, наперсница-судьба,

Событиями, встречами, врагами...
Зажги во тьме спасения лучи.
Веди вперёд, и прямо, и кругами,
Но только от небес не отлучи.

АДАМОВО ЯБЛОКО

Побаска есть: «Не слушай глупой
бабы!
Послушал – поступи наоборот!»
А вот Адам... задумался хотя бы
Какую бомбу в руки он берёт?

Праматерь наша обрывала с древа
Запретный плод осознанно вполне.
Но лишь в одном была повинна
Ева –
Не постучала мужу по спине:

Застрял кусочек яблока в гортани.
(Со временем Адам к нему привык).
Стал памяткой супругам об
изгнание
Вот этот самый яблочный кадык.

Ликуя, змей злорадствовал над
ними,
Гремел вдогонку гневный Божий
глас!
Зато Адамы с «рёбрами» своими
Обжили землю, нарожали нас...

От сокровенной мысли хорошею:
Вот скоро вечер, ступишь на порог,
Повисну тут же у тебя на шее,
Где приютился странный бугорок.

Обнимешь крепко, поцелуешь
сладко –
Не проскользнёт меж нами хитрый
гад!

Наклонимся над детскою
кроваткой,
И зашумит ветвями райский сад...

Побаска есть, да вот побаску эту
Пора на свалку отнести мужьям.
Внемли* жене – получишь в дар
планету.
А рай создать на ней ты волен сам.

*Внемлить (внимать) – слушать,
прислушиваться

ПОДКОВА

Подсказки поверий – житейской
огранки слово.
Из треснутой чашки не пью,
услыхав примету.
А нынче узнала, что конь твой
сронил подкову.
Ах, как же хотелось найти мне
потерю эту.

Ах, как же мечталось владеть
оберегом доли.
Не ради богатства, а потому, что
твой он.

Глаза проглядела в лугах, у реки,
на поле,
Но видно другим счастливец он
был присвоен.

А может не найден вовсе гарант
успеха,
Лежит себе где-то, ржавея, твоя
пропажа.
Луга обросли стогами, и ты уехал.
Ни строчки письма, ни вестей, ни
привета даже.

В селе зашептались, мол, «девка
дошла до точки,
А он «растрепал» и в город, живи с
позором.
Ох, солони были мои горевые
ночки,
Иконы смотрели строго, с немим
укором...

Рвануть бы к тебе, любимый, из
этой ямы,
Вагонным окном листать
километров тыщи.
Да только куда рванёшь от лежачей
мамы...
А счастье, быть может, впрямь и на
печке сыщёт,
Слезинки мои осушит, научит
снова

Встречать без тоски рассветы,
смеяться вволю...

И верно! – Свершилось чудо,
нашлась подкова,
Не возле реки, не в лугах, и не в
чистом поле.

Синичкой порхаю, с делами
справляюсь ловко,
Тяжёлых сомнений камень с души
снимаю.

Под сердцем храню я бесценную
ту подковку:
Сыночек иль доченька, это
решится в мае.

«ЖИЛЕЦ БОГ ВЕСТЬ КАКИХ ВРЕМЁН...»

*Исполнилось 100-лет со дня рождения
русского поэта Николая Тряпкина*

«Не бездарна та планета, // Не погиб ещё тот край, // Если
сделался поэтом // Даже Тряпкин Николай», – с озорной и до-
бродушной самоиронией, без малейшего намёка на бахвальство
отозвался о себе русский, подлинно народный поэт Николай
Иванович Тряпкин. Он ни разу не сетовал по поводу своей не-
притязательной фамилии и не предал родовую память, когда при
публикации первых стихов в журнале «Октябрь» осенью 1946 г.
ему настойчиво рекомендовали подобрать звучный псевдоним:
что это за поэт – Тряпкин?! Фи!.. Но ведь не имя красит чело-
века, а наоборот. И перечитывая сегодня книги Николая Тряпки-
на, вновь и вновь осознаёшь, что его непритязательная, грубо-
ватая фамилия прославила и русский народ, и русскую поэзию.

* * *

Николай Тряпкин увидел свет
в семье крестьянина-столяра де-
ревни Саблино Старицкого уезда
Тверской губернии (сожжённой
фашистами и ныне не существу-
ющей) 19 декабря 1918 года, как
раз на зимний праздник Николая
Чудотворца. Родившийся, словно
вопреки разгорающемуся вокруг
гражданскому братоубийству, поэт
все отведённые ему года, даже
«среди лихой всемирной склоки, //
Среди пожаров и смертей» чутким
и чистым сердцем будет вслуши-
ваться в «великую мелодию слия-
нья», соединяя в стихах ликующую
радость от счастья жить на Земле и
неустанную заботу о его бережном
сохранении. Первое и главное сла-
гаемое этого счастья запечатлелось
для него в одном-единственном
и самом дорогом слове – Родина:

*Скрип моей колыбели!
Скрип моей колыбели!
Древняя сказка прялки,
Зимний покой в избе.
Слышу тебя издалёка,
Скрип моей колыбели,
Помню тебя изглубока,
Песню пою тебе.*

Мотив крестьянского перво-
родства пройдёт сквозь всю ли-

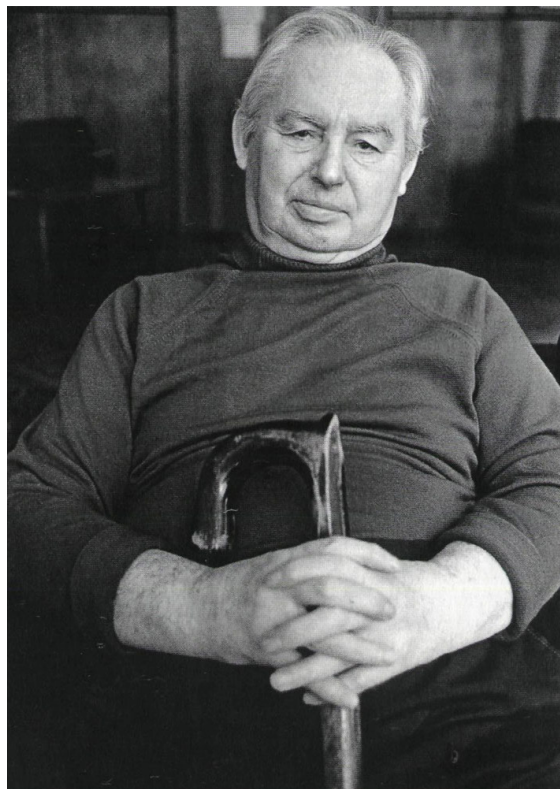
рику Тряпкина неразрывной пу-
теводной нитью: «Но живут в
моём сердце все те перезвоны
ржаные, // И луга, стога, и задвор-
ки отцовской избы, // И могу по-
вторить, что родился я в сердце
России, – // Это так пригodiлось
для всей моей грешной судьбы».

Образ саблинского детства
– один из главных в его творче-
стве. Николай Тряпкин восхища-
ется всеми без исключения при-
метами сельского бытия, в том
числе самыми прозаическими:
*А за нами сараи в извечных
метёлках пырея,
И в поленищах дров, и с
помётom от кошек и птах.
И под солнцем весенним
сушились верёвки и шлеи,
Хомуты и седелки, и дровни при
всех копылах.*

Раньше деревенское воспита-
ние нельзя было и помыслить без
участия в нём старшего поколения
– бабушек и дедушек, хранителей
культуры и народной мудрости.
Вот почему поэт посвятил своим
многочисленным бабкам, кото-
рых у него было «...премного // И
родных, и побочных» несколько
проникновенных стихотворений,
в том числе «Стихи о моих баб-
ках», «Бабка», «Семейные забавы»,

утверждая вечную неразрывную
связь всех представителей рода:
*Ах вы, бабки мои! Да пребудет
вам пухом лежанье!
Да святится ваш дух и в заветах
грядущей семьи!
Пролетают года, превращаясь в
земные преданья,
Превращаясь в легенды и в эти
вот песни мои.*

Обилие деревенских мотивов
в лирике Н. Тряпкина не даёт ос-
нований вставлять его в обойму
«деревенщиков». Сам же поэт хи-
тро усмехался в ответ: «Не сумели
меня прокрусты, // Уложит на
свою доску...» Это действительно
так: его стихи – цепь разительных
перевоплощений – образных, вре-
менных, пространственных. Раз-
думчиво-спокойное бытописание
тверской сельщины оттеняется
резкой сочностью картин русского
Севера, Алтая и Курил; предель-
ная реалистичность жанровых
зарисовок из послевоенных кол-
хозных будней с годовыми от-
чётами и селькорами сменяется
мощью библейских образов и ве-
личественной красотой античных
(продолжение на стр. 4).

(начало на стр. 3).

сюжетов; сливаются в раздольном
потоке история и современность:
Исполнился Гнев, прозвучавший из

Божьего Лона,

И чёрные совы кричат на воротах

Сиона,

И чёрные змеи ползут из

Священной криницы,

*И скачут по городу волки, хорьки и
лисицы.*

Николай Тряпкин мастерски освоил едва ли не все имеющиеся поэтические жанры. Эпическая размеренность дум, былин и сказаний прерывается у него то стилизованной ясностью и отточенностью классических элегий, од и стансов, то задорными, переливчатыми ритмами прибасок и частушек. Фольклор, народная обрядовая и речевая культура, древние славянские верования – живой и неисчерпаемый источник, питающий эстетическую самостоятельность его творчества:

Где там ели проскрипели?

Чей там шёпот, чей там крик?

Разгадать бы травный шелест,

Положить на свой язык!

Любое стихотворение поэта сверкает и искрится драгоценными россыпями языковых богатств; и не устаёшь поражаться тому, в каких неиссякаемых кладовых народной речи находит он нужные именно здесь, на редкость верные, свободные слова – возвышенно-книжные, по-народному солёные или остропублицистические, умея заставить и самые скромные из них сиять первозданным блеском: *Ивняковый, травяной, долинный Мир, поющий ветром и лозой! Журавлиной цепью длинной-*

длинной

Ты опять проходишь надо мной.

Эклектика? Нет! Истинная и ярчайшая самобытность, контрастная органичность мировидения, синтез прошлого и настоящего, реальности и легенды, соединённость земли и неба. Лирика Николая Тряпкина может быть уподоблена грандиозной симфонии, чья партитура отличается тончайшей полифонией:

Друзья мои! Да что со мной?

*Гремят моря, сверкают дымы,
Гуляет космос над избой,
В душе поют легенды Рима.*

* * *

А судьба поэта чуть было не обернулась трагедией. «Во время коллективизации, в 1930 г., семья перебралась в один из совхозов Московской области, в районный центр Лотошино», – сообщит он позже в автобиографии. Сказано нейтрально, как о чём-то малосущественном. Вот только «перебралась» в Лотошино семья Тряпкиных отнюдь не по доброй воле: она спасалась от раскулачивания. Заработки отца-столяра, мастера – золотые руки, который постоянно получал выгодные подряды, и крепкое крестьянское хозяйство давали возможность жить в достатке: *Принимали гостей. Ибо сами*

гоститься любили.

И скажу – не гордись, а всего

только суть возлюбя:

Не любили заплат. И лаптей

никогда не носили.

В подковырянных валенках тоже

не помню себя.

Сам глава был столяр и с весны

уходил на подряды.

Значит, править хозяйством

семья оставалась втроем.

А ведь были – крестьяне. И все

наши копны и гряды

Не давали нам скидок в

положенном круге своём. <...>

*Ни зернинки под снег. И под дождь
– ни единой сенинки.*

*Ни косилок, ни жаток. Они только
снились отцам.*

А ведь крикали утки, звенели

молочные кринки,

И готовилось пиво ко всем

храмовым торжествам.

В год великого перелома Тряпкины, «только тем и виновны, что жили крепче других», чуть-чуть не разделили страшную участь тысяч спецпереселенцев, сгинувших в глухой сибирской тайге. Спас председатель местного сельсовета, приказав уезжать из родных мест, и как можно скорее. Об этой печальной странице сво-

ей жизни поэт рассказал только в 1982 г. в стихотворениях-воспоминаниях «Жили мы вчетвером», «Изба», «Стихи про одну сходку», «Стихи о первом совхозе», «Лотошино», «Песнь о лучшей собаке», «Стихи о земных переменах»: *Это было в те дни, что приснятся и в славе грядущей.*

Побросали мы всё – и, дай Боже,

скорей наутёк.

Поскорее туда, к подмосковным

спасительным куцам,

*Под казённую крышу, на твёрдый
совхозный паёк!*

В Лотошино семья Тряпкиных ютилась в длинном кирпичном бараке. Поэт вспоминал: «Жить было тесно и грязно, а главное – голодно. Подсобного хозяйства не имели, а времена были не из хлебных. Поэтому года через два, в соседней деревне Ивановское, родитель мой приглядел избёнку в три окошечка, сторговал ее у владельца, переезжавшего куда-то, и снова мы стали хозяевами деревенской хаты и деревенского огорода. Это была, хотя и не сравнимая с прежней, но всё же возможность заниматься привычным крестьянским трудом: «И воспрянул папаша пред видом такого сюрприза: // Занимай свою должность, стругай под совхозным крылом, // А под вечер – домой, на свою деревенскую мызу: // Ковыряйся в навозе! Работай с печным помелом!»

Для самого Николая Тряпкина это было возвращением в любимую среду, к истокам естественного бытия: *Принимай же, Изба! Распахни свои древние прясла!*

*Приголубь же меня, пацана из
тверских деревень!*

*И я сделаю всё, чтобы печка твоя
не погасла,*

*Подновлю твои стены, украшу
сиренью плетень.*

Так уже с ранних лет отпечатавшись на сердце поэта болезненной зарубкой горький опыт несправедливости разобщения, насильственного отлучения от всего по-детски доброго и до боли родного, что до скончания дней отложилось в его (продолжение на стр. 5).

(начало на стр. 3-4).

душе благодатным кладом кров-
ной, бесконечной связи с народом:

Нет, я не вышел из народа.

О чернокостная порода!

Из твоего крутого рода

Я никуда не выходил.

«С годами выявлялся опреде-
ляющий мотив творчества Николая
Тряпкина – мотив Памяти. Памя-
ти, несущей в себе все тяжелое,
трагическое, надрывное, что со-
средоточилось в истории уничто-
жения русского крестьянства и его
самобытной культуры...» – под-
черкивал критик С. Куняев. И, ко-
нечно, из памяти поэта не могли
исчезнуть ни саблинское детство
(«А нынче вновь увидел я во сне //
Всё то же детство, сгнувшее
где-то»), ни Тверской край, гео-
графические названия которого
постоянно появляются в его сти-
хотворениях: «Пройду, если надо,
ко Ржеву, // А нет – так сверну
на Торжок», «Ой, далёко, очень
далёко // Наше поле и город Зуб-
цов!», «И пусть про Вязьму и про
Старицу // Опять звенит моя гар-
монь», «И катилась наша рессорка
// В голубеющий город Тверь» и т.д.

Мотив памяти связан у Н.
Тряпкина с безбрежной любовью
к Родине, которая прорывается в
его стихотворениях удивительной
многоликостью и многоцветием
окружающего мира. Поэт не устаёт
живописать деревенскую Россию
с медовыми запахами просёлков и
заманчивостью лугового разнотра-
вья, с плавным течением речных
вод и призывными шумами леса.
Он всякий раз открывает многожды
виденное с совершенно простой и в
то же время неожиданной стороны:
*Милый край от Волока до Ржева!..
Светлый сон, идущий сквозь века!..
Ты – как снег февральского*

пригрева,

Ты – как нежный запах молока.

*Хорошо здесь в Шоше искупаться.
Взять поехать на базар в Зубцов
И от критиков позатеряться
Средь полей, черёмух и скворцов.*

Обыденные приме-
ты быта легко возводятся им
в предмет, достойный люб-
ви и поэтического воплощения:
Сегодня апрель.

И вода и скворешни.

Люблю побродить по сумятице

вешней.

По чёрному льду, по земле, по

навозу,

Влюбляясь в родную житейскую

прозу.

И следом в «родную прозу»
вплетается нечто мифологиче-
ское, наполненное предчувстви-
ями таинственных сил природы:
*Я уходил в леса такие,
Каких не сыщешь наяву,
И слушал вздохи колдовские,
И рвал нездешнюю траву.*

*И зарывался в мох косматый,
В духмяный морок, в дымный сон,
И был ни сватом и ни братом –
Жилец бог весть каких времён.*

Естественность сочетания са-
мых разнородных содержатель-
но-образных пластов составляет
основу оригинальности лирики
Николая Тряпкина. Поражает она
и жаждой путешествия в запре-
дельные глубины Вселенной. Поэт
смотрит из неведомых далей на
«голубой фонарик Земли», мечтает
о могучих звездолётных кораблях,
уходящих в вечное пространство
и, вслушиваясь во вселенское зву-
чание, дерзновенно обращается к
Космосу, готовый рассеять его мрак
созидательным трудом и Словом:

Эй, Космос!

Ты вечен и темён,

А я к темноте не привык.

Даю тебе свет моих домен

И лучших поэтов язык.

* * *

Вдохновенный певец Руси де-
ревенской, Николай Тряпкин стал
певцом и «Руси радарной», Руси –
космической державы. Единолич-
ную судьбу поэт связывал с судьбой
планетарной цивилизации, и посте-
пенно у него выкристаллизовалось
собственное понимание космиче-

ской сути земного человека, сжатое
до чеканной и ёмкой формулы: «Я
вышел оттуда, где все можно де-
лать сначала...» Эти окропленные
потом и кровью пращуров слова –
песнь во славу воистину бесконеч-
ной выносливости нашего народа,
наполненная твёрдой верой в неис-
требимую крепость его националь-
ного духа и физических сил. Века-
ми приходилось русскому человеку
всё «делать сначала»: возводить
избу на пепелище и поднимать из
руин храмы, вновь засеивать хле-
бом поля, вытоптанные дикой ор-
дой кочевников или искореженные
железом танковых армад, рожать
детей, взамен погибших в битвах,
и писать книги, взамен уничтожен-
ных врагом. Вот чем держалась и
будет держаться сильная и много-
страдальная Русь-Россия, которая
в своей уже всекосмической отзы-
вчивости идёт в стихах Николая
Тряпкина не завоёвывать неведо-
мые миры других планет, а обустра-
ивать их с самого начала, с топора:
За годами годы – и Русь моя вся
под антенной.

Горят на экране, звенят позывные
Вселенной.

Готовь же свой парус туда – к
запредельным причалам,
Чтоб выйти, коль надо, опять с
топором и кресалом!

Научно-технический прогресс
XX века не только распахнул челове-
честву двери в космос, но и одновре-
менно поставил под прямую угрозу
жизнь самой Земли: «На все цветы
и зарожденья // Ложится пепел
роковой». И тогда в его стихах воз-
никают фантазмагорические очер-
тания планетарного Апокалипсиса:

Всё кругом бетонное –

Солнце и вода,

И в котлах реакторных

Варится еда.

И горит за городом

Атомный закат.

И стоит над городом

Атомный солдат.

(окончание на стр. 6).

(начало на стр. 3-5).

Единственной преградой,
способной остановить
вселенское безумие и повер-
гнуть силы зла, вновь становит-
ся Россия, спасительница мира:

*И расщепляются стихии,
И рвутся тверди под Ядром.
И снова ты, моя Россия,
Встаёшь смиренным щитом.*

С 1989 года вплоть до смерти поэта не вышло из печати ни одной его новой книги. Но Николай Тряпкин неустанно продолжал творить, даже будучи отвергнутым ельцинской властью. Причина такого отношения объясняется гражданской позицией поэта: его стихотворения, которые время от времени публиковали патриотические газеты и журналы, пылали негодованием к растлителям и разрушителям России, великой скорбью о гибели будущего страны:

*Воруют грунт из-под двора,
Воруют дно из-под кадушки.
Воруют совесть у Петра,
Воруют душу у Марфушки...*

*Кого просить? Кому кричать?
И перед кем стоять в ответе?
И что мы будем воровать,
Когда растащим всё на свете?*

А вот как оценил поэт су-
перфетиш демократии 90-х,
увенчанный гайдаровским огра-
блением народа и расстре-
лом российского парламента:
*Права человека, права человека!
Гнуснейшая песня двадцатого*

века.

В позапрошлом столетии
поэт-мыслитель Фёдор Тют-
чев заклеил холопство пе-
ред Западом, всплески которо-
го почему-то всегда совпадают с
укреплением мощи России:
Напрасный труд – нет, их не

вразумишь, –

*Чем либеральней, тем они пошлее,
Цивилизация – для них фетиш,
Но недоступна им её идея.*

На исходе второго тысяче-
летия Николай Тряпкин уви-
дел, что ненависть этих «слуг
просвещения» приобрела ещё
более омерзительный облик:

*Одни для злобы лишь умны,
Добра же делать не умеют.
И даже слова Сатаны
Они уже не понимают.*

Всё-таки есть пророки в своём
Отечестве!..

* * *

В последние годы жизни Ни-
колая Ивановича одолевали бо-
лезни. Рассказывают, что он по-
просил убрать из своей комнаты
все календари и часы: скорее все-
го, поэту хотелось остаться один
на один с Вечностью, воплотив
давнюю мечту: *«Затвориться б
в скиту. И возжечь бы старин-
ную свечку. // За себя и других
наконец помолиться желаю».*

Искренней молитвой (не в
формальном, конечно же, а в ду-
ховном смысле) за Русь и русский
народ была вся поэзия Тряпкина.

*Достойная поэзия –
Не рифма и не слог,
А только жажда истины
И сто путей-дорог.*

*Достойная поэзия
Не знает средних мест:
Она – иль ноша крестная
Иль сам голгофский крест.*

С. Куняев писал: «Зимой 1999
года мы проводили в последний
путь одного из драгоценнейших
русских поэтов второй половины
XX столетия. Кончина его была
окружена гробовым молчанием,
большинство населения России
так не узнало, кто в те морозные
дни завершил свой земной путь».

Сам же Николай Иванович
Тряпкин, славный уроженец Твер-
ского края, навсегда остался в веке
XX, но его звонкий и приглушён-
ный, гневный и добрый, насме-
шливый и грустный поэтический
голос не умолкнет и в веке XXI.

Александр БОЙНИКОВ

Юбилей

Валерия Хатюшина

Поэту и публицисту, много-
летнему главному редактору жур-
нала «Молодая гвардия» Валерию
Хатюшину исполнилось 70. Вечер,
посвященный этому событию в
жизни видного представителя рус-
ской литературы, состоялся в Мо-
сковском доме национальностей.

В.В. Хатюшина поздравил
председатель правления Союза
писателей России Н.Ф. Иванов,
подтвердивший, что по душев-
ной конституции тот лирик, по
специальности – строитель, а по
натуре – боец. В тяжелые времена
Союз писателей продолжает сто-
ять, как заявил Иванов, благодаря
таким людям, как В.В. Хатюшин.

• Новые книги

Из истории Тверской ЧК

В книжно-журнальном изда-
тельстве «Граница» (Москва) уви-
дела свет книга «Тверская губер-
наторская чрезвычайная комиссия.
1918-1922». Издание было приуро-
чено к 100-летию Управления ФСБ
России Тверской области. Значи-
тельное в нем место уделено струк-
туре ЧК, основным направлениям
ее работы, биографиям руководи-
телей и сотрудников. Публикуются
редкие архивные документы. Кни-
га представляет интерес не только
для историков, военнотружеников
Федеральной Службы Безопасно-
сти, студентов военных вузов, но
и для широкого круга читателей,
интересующихся историей России.

• Живая история

Незабываемая встреча

В моем архиве хранятся сделанные мною снимки наших замечательных космонавтов Юрия Алексеевича Гагарина и Валентины Владимировны Терешковой, которые ранее нигде не публиковались. История их появления такова.

В 1965 году, после окончания средней школы в городе Андреаполе, я поступил в Ленинградское Высшее военно-морское училище подводного плавания им. Ленинского комсомола. В июле 1967 года курсанты 2-го курса 2-го факультета этого училища проходили корабельную практику на дважды Краснознаменном Балтийском флоте на учебном крейсере «Киров». Это был тот

самый легкий крейсер, который в начале Великой Отечественной войны был участником героического Таллинского перехода, когда удалось спасти основную часть сил флота. «Киров» с нами, курсантами, выполнял учебное плавание. После пятидневного дружественного визита в Швецию крейсер отшвартовался у стенки военно-морской базы Кронштадт. Шла подготовка к празднованию Дня Военно-Морского Флота. Крейсер должен был войти в реку Неву и принять участие в торжественных мероприятиях праздника. И как раз в эти дни военных моряков посетили Валентина Терешкова и Юрий Гагарин. Я

запечатлел отдельные моменты осмотра космонавтами крейсера и встречи их с членами экипажа.

В.В. Жуков,
капитан 2-го ранга
в отставке,
г. Калининград

На снимках:

Ю.А. Гагарин осматривает крейсер «Киров»; В.В. Терешкова выходит из башни главного калибра; фото на память с членами экипажа.

(фото автора)

• Литературное краеведение

Анатолий СКВОРЦОВ

Анатолий Михайлович Скворцов родился в 1937 году в глухой деревушке Лесниково Оленинского района. Окончив в Ленинграде школу фабрично-заводского обучения, работал слесарем, кочегаром, культпросветработником, затем пришел в журналистику. С 1961 года сотрудник областной молодежной газеты «Смена», с 1966 – областной газеты «Калининская правда». По окончании Ленинградской высшей партийной школы снова трудился в газете «Калининская правда». Член Союза писателей СССР с 1974 года. Автор поэтических сборников «В рабочем строю», «Пойдем в мой цех», «Зеленое зарево», «Вечное задание». Жизнь Анатолия Михайловича трагически оборвалась в 1984 году.

ИВАНЫ

Застыли в зале напряженно
зрители:
Лежат бойцы и молча боя ждут.
А им в окопы громкоговорители
Орут хрипато:
- Все, Иван, капут!
У нас Иванов полдеревни было.
Я на экран с волнением гляжу,
Поля войной, как паводком,
размыло,

«ДЕНЬ НАЧИНАЛСЯ

В ЗАПАХЕ РЖАНОМ...»

Знакомых мест никак не нахожу.
Но это – там. Все это – под
Бабаевом...
Солдат к гранате руку протянул,
Рванулся к блиндажу тому
отчаянно
И взрывом глотку черную заткнул.
Приполз назад.
Лицо в росинках пота.
Сержант солдата тронул за рукав:
- Ну что ж, Ванюша, добрая
работа!
Теперь приляг. Не сунутся пока.
И я смотрел. И мне казалось
странным,

Что эти лица так знакомы мне.
Хоть среди них – ни одного Ивана
Из земляков, погибших на войне,
Но все они похожи-непохожи...
Иди к ним, на закрутку попроси.
Во все века такие вот,

быть может,
Спасая Русь, стояли на Руси.
Они известны племенам и странам,
Носили небо на плечах тугих.
И о Руси судили по Иванам,
Когда бежали в панике враги.
Но ворошить историю не стану,
Я не о том хотел сказать сейчас:
За целый год ни одного Ивана
Не родилось в Калинин у нас.
Мы ищем сыну имя покрасивее.
А что Иван? Седая старина!
И заполняют медленно Россию
Невнятные чужие имена.

Себя самих оправдывать нам
нечего.
Идет кино. Солдат ползет в
рассвет...
Верните, люди, имя человечеству –
России без Ивана просто нет!

КАПУСТА

Убирают женщины капусту,
Вздрыгнут под руками кочаны
И летят с негромким сочным
хрустом
В крепкие дубовые чаны.
Чистые, как лица у девочек,
Листья, прошумев, коснутся дна.
Входит сечка радостно и звонко
В снежные глубины кочана.
И к избе летят уже вприпрыжку
С улицы босые огольцы.
И хрустят так смачно кочерыжки,

Словно ранним летом огурцы.
Но, как гром, в мою ворвался
радость
Давний день... Тревожный день
войны
Перенес на площадь Ленинграда,
На которой зрели кочаны.
Зрели под осколками снарядов,
С листьями, пробитыми войной,
Мужество и стойкость Ленинграда
В кочане сплелись в вилок седой.
Шли дожди размеренно и густо,
Стеклами разбитыми звеня...
Воевала русская капуста
За людские жизни. За меня.

МАЛЬЧИШКИ

Через поле вприпрыжку –
Тени от облаков...
Через тени – мальчишки
По траве босиком.
Из деревни ль вы этой,
Что за горкой легла?
Соловьиное лето
Прячет в листьях ветла.
Загорелое утро
Расплескалось в реке.
Солнце дремлет, как будто
У ольхи на сучке.
Размечтались ребята –
Мало шири лугов.
Их мечты мне понятны,
Мне известны без слов.
И во взглядах искристых –
Все как есть на виду.
По тропинке росистой
Я за ними иду.
А вышагивать сколько
Вам еще предстоит...
В нашей жизни для стойких
Целый мир не открыт.
Целый мир не изведен –
Он оставлен для вас.
И за будущим следом
Я шагаю сейчас...
Через поле вприпрыжку-
Тени от облаков.
Веселее, мальчишки,
Вам идти далеко!

ДОМ НА СТАРОЙ УЛИЦЕ

Здесь целый день ни шороха, ни
звука.
Стопились молча клены над
прудом.
(окончание на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Стоит, как дед, порастерявший
внуков,
На городской черте горбатый дом.
На крыше – мох, у стен шумит
осока.
А рядом тропки чуть приметный
след.
И вечерами из ослепших окон,
Как слезы, вытекает желтый свет.
У входа – полусгнившая кадушка,
Вокруг колодца колья смотрят
прочь...
И каждый вечер хрупкая старушка
Выходит на крыльцо, встречая
дочь
Покой. Как будто ничего живого,
Лишь тишина глядит из-за угла.
Здесь, за версту от шума

городского,
Казалось, жизнь на отдых улеглась.
Но как-то в полдень дрожь прошла
по окнам,
И тишина метнулась за сарай.
Вбегает дочь:
- Квартиру дал завод нам!
Я - на машине, вещей собирай.
...Хозяин новый ставит шаг
упруго,
В засаленной спечовке, чуб
копной.
Вот черный трос вскарабкался на
угол

И зазвенел натянутой струной.
Вот вздрогнул трактор, заурчал
сердито –
И вдруг пошел, качнувшись, вдоль
тропы.
И над землею, гусеницей взрытой,
Пустилась в пляску рыжим чертом
пыль.
И хоть не жалко, как-то сердце
сжалось,
Что ей теперь – тужить иль не
тужить?
Стояла бабка, ей сейчас казалось,
Что этот трос перечеркнул всю
жизнь...

ИКОНЫ

Старуха слушала, не слыша,
И не мгла понять никак,
С чего взволнованно так дышит
Перед иконою, чужак?
Что так глядит заворочено
На медь, потухшую давно,
Сует десятку униженно,
С опаской глядя на окно?
Не поп, хоть явно сходство было –

За ворот лезло волосье...
Она уже сама забыла,
Когда молилась на нее.
Висит – и ладно.
Есть не просит,
Живет, как память о былом.
У бабки брови к переносью
Сошлись сердито под углом.
- Чего пристал?
Бери задаром.
И коль в музей – так береги...
Пахнула дверь морозным паром,
С крыльца захрупали шаги.
Туманы движутся сырые,
Гремят крутые якоря,
Плывет печальная Мария,
Святая дева, по морям.
И волны плещутся сердито,
И путь ее еще далек...
А тот хрустящие кредитки
Пугливо прячет в кошелек.
И алчно вздрагивают руки
От этой выручки большой.
Но как же так? Торгуется русский...
Чем? – Нашей русскою душой!
Наверно, вправде мы и в силе
Давно прикрыть торговлю ту.
Богов вывозят из России?
Да нет же! – Нашу красоту!
Их отдадут, коль попросили,
Кивнут доверчиво – вези...
Богов вывозят из России?
Да нет – историю Руси...

КАПИТАНЫ

Из плавания приходят капитаны.
Для капитанов – настуже
рестораны.
Они сидят над громкой
сковородкой,
Стреляющей кипящим янтарем.
И запах атлантической селедки
Пирует с ними за одним столом.
Кудрявится в граненых кружках
пиво,
Дрожит вино в лиловом хрустале.
Они сидят и пьют неторопливо,
Едят земную пищу на земле...
Они дымят земными сигаретами
И дым вдыхают жадно, глубоко.
А в зале пахнет яростными
ветрами,
И в люстре десть солнц под
потолком.
И сапоги поскрипывают жалобно
На их почти негнущихся ногах.
И пол под ними ходит, словно
палуба,
И волны разливаются в глазах.

Они склоняют головы над
столиком
И может быть, в который раз
подряд
Смеются заразительно, до колик,
И о причудах моря говорят.
У них на лицах солнце и ненастье.
И мы пойдем, когда они уйдут,
Что только им доступно это
счастье –
Рождаться дважды заново в году.
Их завтра снова на земле не будет,
Они исчезнут в маревой дали...
За столиком сидят земные люди,
Отобранные морем у земли.

* * *

Золотая щека рассвета,
Нежно-чуткий лесной покой...
Заблудились морозы где-то
За туманной плывун-рекой.
Я вбираю в себя, как губка,
Голубую земную тишь.
Что ж ты, сердце мое, так гулко.
Так тревожно в груди стучишь?
Разве сделано нами мало,
Разве дрогнуло ты, когда
Боль нещадно тебя трепала,
Разъедала моя беда?
Иль когда до седьмого пота
Изнуляли трудные дни?
Ты стучало: крепись, работай,
Не сдавайся, браток, тяни!
Было все – и любовь, и горе,
Не в претензии я к судьбе.
Просто здесь, на увядшем взгорье,
Разбираюсь в самом себе.

НОЧЬ

Гонит ночь стадами звезды,
Как пастух, по небосводу.
Ночь седая, ночь глухая,
Ночь без проблеска огней.
И от края и до края
Вся земля лежит на ней.
И дрожат росинки-капли
На подстриженном лугу.
И неслышно ходят цапли
Там, на топком берегу.
Светлячки у ног ложатся,
Словно искры от костра.
И поля чуть-чуть дымятся,
Как озера по утрам.
Ходит, бродит без разбору
Ночь седая взад-вперед...
Спит земля. И ночь, как сторож,
Нашу землю бережет.

(продолжение, начало в N19 (ноябрь)-№20 (декабрь));

Письмо шестое «Сачиха»

ТАК ее зовут всю жизнь, за однажды вспыхнувшее чувство, которым воспользовался некто Сачков, которого с земли и след давно простыл. Родилась дочь. Она одна подняла ее, как говорят, «поставила на ноги». Выучила. Дочь уехала, стала учительницей, вышла замуж, родила внучку.

Корень Комаровых зацепился на земле, и продолжателем этого великого процесса — рода на земле, стала она — Антонина Комарова, она же «Сачиха». Пенсия самая маленькая, значит, зарабатывала она «не густо». Когда-то отец увез ее в Ленинград. Войну встретила там. Блокада. Документов не сохранила, потому и пенсия маленькая. Но занимать не любит.

Делает это только, когда некуда деться. Поросяенок стоит больше пенсии. Тут уж приходится. Отдает вовремя.

Ей за 80, держит скотину, часами сидит на рыбалке зимой и летом. Любит это дело. Еще отец приучил, да и в хозяйстве подспорье. Летом, когда не пасет, в лесу заготавливает дрова, ходит на болото за клюквой и

Письма сельского почтальона

ягодами, собирает грибы на зиму. Поскольку сил мало, а денег на дрова не хватает, то частенько спит на плите, добирая крохи тепла. Прячет, вяжет. Слышит плохо, но видит как ястреб, ибо никогда книг в руке не держала, но грамоте понимает и письма дочери пишет. На телевизор и соседка приходит подремать, так что глаза тоже не портит.

Косит в основном сама, бывает, дочь приедет поможет, бывает, сосед, но в основном сама. Независима и всячески охраняет это состояние. Просит, но не любит это делать. В магазин три километра туда, три обратно ходит сама и несет прилично по весу, когда делает основной запас или тащит на санках мешок комбикорма. Зимой возит сено тоже на санках за полтора километра через озеро или таскает дрова из леса, а то и столбы на ограду. В прошлом году перевезла целый одонок сена с дальнего покоса. Глядя на нее, перед глазами так и встает перовская «Тройка» (трое детей на санях тащат бочку с водой). Бывает, болеет, но помирать не собирается, потому как боится покойников...

Электричество экономит. Темнеет, она ложится, светлеет — встает. Зимой затопит печь и при мелькании огня готовит, ест, дремлет. Бывает, зажжет лампочку и прядет, вяжет, шьет на машинке. Все делает, в основном, сама. Мужскую работу тоже; чинит телегу, точит инструмент, насаживает топор, плотничает, печи ремонтирует.

Политикой не интересуется, кто президент, не знает, да ей это и не нужно, ей все время некогда, она все время на ходу. Застать дома, особенно когда нет снега, довольно трудно. Как ни придешь, замок на двери.

Все обычаи помнит и твердо соблюдает. Лодку «ремонтирует»

сама. Пробоину или щель заделывает оргалитом и заливает смолой. На какое-то время (день, два) хватит и... хорошо. Пока ее «шхуна» наполняется водой и стремится ко дну, сети поставить успевает. Весла сделала сама. Все на гвоздиках, веревочках и проволочках, но свое служит.

В меру хитра, чтобы выжить. Голова на 82-м году жизни в полном порядке. Ясная, все понимает. Глаза умные. Ходит быстро. В лесу, бывает, промелькнет и не догонишь, только свисток слышно. Это она от волков посвистывает. Как услышишь — это Сачиха идет. Мудрая, выносливая, добрая, трудолюбивая Русь. Дай Бог ей здоровья и долгих лет жизни.

На том стоим.

Твой Д.В.А. март 2003

Письмо седьмое

Вот, мы все задаем вечные вопросы: «Кто виноват?» и «Что делать?»

А ведь если не лгать, а «да! или нет!», то ведь на них можно довольно легко ответить. Во-первых, в чем виноват? В развале, в перевороте, в падении нравов и гниении общества, во всем плохом, что есть, наверное, виноваты те, кто отвечает за крепкие устои общества, его нравственность, кто сам назвал себя «инженерами человеческих душ». Кто «окормлял» последние 50 лет духовные устои народа. Конечно, это так называемая интеллигенция. Не армия же...

Давай посмотрим, что делала эта прослойка все последние годы. От фильма к фильму, от спектакля к спектаклю она все свободнее и свободнее допускала к сознанию народа блуд во всех его формах: в одежде, в книгах, в рекламе.

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

Курение стало нормой зрительно-го ряда, выпивка тоже. А постель? Если в начале века Штраус и Карла Доннер говорили о любви в кринолине и фраке, то сейчас это происходит в лучшем случае в бюстгальтере и в кровати... Тот, кто допустил к нам дешевые иностранные романы, фильмы, спектакли, модерно-голые балеты и прочую «смелость в искусстве». Никто ведь не сказал, что это прежде всего безнравственно, хотя все это видели и читали. Что же молчала эта так называемая интеллигенция? Они что, не понимали, что весь этот срам, говоря народным языком, разлагает юношество? А те, кто понимал, что идет разложение, — они почему молчали?

Значит, денег не платят — голодовка, а развал Родины, который и привел к этому безденежью, мы промолчали? «Что посеешь, то и пожнешь». Но мы не хотим в это верить, ибо потеряли Совесть, за ней убеждения, за ними Отечество.

Никакая экономика ничего не спасет! Никогда! Не было этого и не будет. До тех пор пока впереди колбасы и пива не будет поставлена духовная пища, от которой растут не брюхо и мешки под глазами, а честь, совесть, нравственность, доброта, любовь к ближнему. Кто позволил поменять эти ценности? Интеллигенция, больше никто. Они поставили на одну доску Пушкина и Высоцкого, уравнили Чайковского и тухмановых. Позволили свистелке с голым бюстом говорить — «мое творчество». Нет критериев — нет больше планки. Неразборчивы господа-товарищи! Чего же мы хотим от молодежи, если на сцену, куда благоговейно выходили Рахманинов и Свиридов, допустили полуголую дикую «попсу»?

«Каждый сверчок должен знать свой шесток». Высочайшая свобода требует жесточайшей дисциплины. Надеюсь, что думающие люди прекрасно понимают, что время все это сотрет, как стерло всех этих «череззаборногуздерипенских», издававшихся в начале (теперь уже прошлого) века в

золоте и коже. Но сегодня-то нет ничего. Вот и копаем псевдопрошлое. Скучность ума, прежде всего, торчит из-под всех этих лохмотьев, которые при помощи СМИ демонстрируют как «выдающиеся достижения» всех этих «кутюрье», а попросту — портняжек...

Каждый народ достоин того правительства, которое он имеет. Так что вопрос — кто виноват? — риторика.

Теперь «Что делать?» Поскольку все закладывается в детстве, и воспитывать надо «пока поперец лавки лежит» (ну и т.д.), тот, кто считает, что в стране беда и корабль тонет, если он не лжет себе и действительно хочет знать «Что делать?» — должен засучить рукава, бросить насиженные диваны, бесконечную болтовню, выяснение отношений и бежать туда, где гибнет в руках знающих свое дело мерзавцев будущее нашей Родины — дети! В школы бежать, брать на воспитание, помогать вставать на нужный путь. Поскольку генетику-то трудно сломать за несколько десятков лет. Шансы еще есть!.. Если же мы этого не сделаем, то что толку от бесконечных перепевов о том, как все плохо?!

Надо хотя бы правду говорить. Не дельцы и хапуги, не нечисть, дорвавшаяся до власти, виновата, а те кто их к этой власти допустил, кто позволил расшатывать нравственные устои народа тараном под названием «свобода». Не свобода это, а распущенность. Сатана всегда и делает эти замены, а мы уже привыкли ходить вниз головой... Фарисейство царит в нашем обществе. Мы все внешний вид создаем, а зайдешь на задворки небоскребов с рекламой, там одна помойка... Когда шубу- то покупают, мездру смотрят в первую очередь, она у нашего общества — гнилая. Лечить нужно срочно. Если хочешь, чтобы картошка не гнила, надо ее перебирать, т.е. отделять гнилое от здорового. И делать это надо постоянно. И нечего на зеркало пенять, коль рожа кривая... Свалили всю ответственность на инозем-

цев, и все. Ловко, — а кто тащил все это нам на головы? То-то и оно...

P.S. Ладно, ты хоть газеты-то присылай, а то не знаю, может, я зря все это пишу, а ты там и не печатаешь?

Твой Д.В.А. март 2003

Письмо восьмое

Ничто в мире не проходит бесследно. Ничто. За каждый свой шаг человек ответит. За каждый заплатит, за каждую мелочь. Плюнул с моста в воду или бросил окуроч, вода запомнит. Один французский ученый открыл этот закон. Структура воды так устроена, что фиксирует любое влияние, а потом мы получаем эти сигналы с пищей, питьем и т.д. — ведь вода всюду. Так что плюем мы или льем солянку — все себе на голову. Кто об этом задумался? Например. Талая вода намного полезнее, а согретая до 80 градусов и остуженная в проточной воде, обретает вообще удивительное влияние, что на посаженное зерно, что на раствор бетона, который становится в десятки раз прочнее.

Вообще что мы знаем? И что может остановить человека от разрушения мира вокруг, единственного данного всем участка (шара) Земли, единого на всех воздуха, общей воды.

Ответственность перед Давшим нам все это, по Своей милости и благодати. И страх потери всего этого, и в том числе жизни. (Был же Потоп. Ну, был же...) Как быстро забывает человек науку болезни, когда выздоравливает. Как быстро он становится неблагодарным. Многие ли, пройдя через болезнь, резко изменили свою жизнь, приведшую их к катастрофе? Нет, человек каждый раз возвращается к губящей его системе ценностей, взаимоотношений, не погружаясь в глубокие раздумья о причинах своих несчастий, в которых он сам виноват, только сам. Вода долго подмывает берег, прежде чем он

(окончание на стр. 12).

(начало на стр. 10-11).

рухнет вниз. Трещины трансформаций и перемен идут медленно, практически незаметно. Разве человек видит, как он стареет? Нет. Ему об этом напоминают разрушительные процессы, незаметно идущие внутри. Он сам их не видит, но вдруг одышка, вдруг давление, вдруг радикулит. А «природа не делает скачков». Это древняя истина. А ведь в народе недаром говорят: «Береженого Бог бережет» т.е., кто не нарушает Его законов умышленно. Разве курильщик не знает, что каждая затяжка уносит его жизнь и приносит вред? Знает! Знает каждый без исключения. Так или иначе, он эту информацию получил, но продолжает сам себе вредить. С вредными привычками могут расстаться единицы, основная масса людей, получив их однажды, не расстанется с ними до конца жизни.

Есть ли польза кому от этих привычек? Да! Тем, кто ими торгует. Помнишь, в сказке о маленьком Муке, от одних ягод рога вырастают, от других отваливаются. Так и в мире. Вот тебе жареное, копченое, консервированное, печеное и прочее «растворимое»... — заплати! А вот тебе лекарство от болячек, полученных в результате потребления всего этого ... — заплати! Я знаю девочку (8 лет), которая категорически не ест шоколад и конфет. Нет привычки и интереса. В детстве болели глаза, и врачи запретили сладкое. Вот и все! Заодно и все зубы целы. И глазам лучше. Но взрослые, вместо того чтобы радоваться, упорно продолжают ей предлагать попробовать... Маленький ребенок дышит дымом от сигарет дома, и он уже готов к потреблению, ему предлагают на праздник попробовать пиво или вино и т.д. Так привычки взрослых эстафируются детям, внукам и далее. Если в доме матерятся, то как можно объяснить ребенку, что это великий грех сквернословия. Ничто в мире не проходит бесследно. Ничто.

У нас в колодцах исчезла вода, и река обмелела, и озеро зарастает. А кругом растут плешки — не делянки, нет, а хамски, по-звериному уничтоженные плешки с матом, беспощадно, и огромная часть уничтоженного варварски леса остается гнить. Кто это остановит?! Кто положит границу уничтожения лесам Валдая, где берут истоки Волга, Двина, Днепр и много более мелких, но не менее значимых рек? Природа мстит за хамство в отношении нее. «Как аукнется, так и откликнется». Мы не задумываемся о народной мудрости.

А скажи это любому лесоначалнику — максимум, что ты услышишь: «А что я могу сделать, мне надо деньги зарабатывать». И все остается, как есть. А в сибирских деревнях за срубленный кедр выселяли из деревни. Вдуматься только. Вот, чтобы этого не было, детей в самом раннем возрасте надо учить любить землю, Родину, любить трудиться, созидать, а не разрушать.

Надо развивать в ребенке душу, в первую очередь. А ребенок заканчивает сельскую школу, и что? Перед ним со всей серьезностью встает вопрос: либо в «красивую» жизнь, которая перед ним каждый день в телевизоре, либо на задний двор и вилы в руки. Там «заманчивая разнообразная» жизнь, полная приятных, как он думает неожиданностей, а здесь сразу и до конца все ясно. Там сплошные «мягкие диваны», а здесь спина скрипит с утра до вечера. Да родители при этом подталкивают подальше от этой «каторги». Вот все и рванули, кто куда... А те, кто остался, у нас по крайней мере, тоже к «маникюру» тянутся. Стадо на глазах растаяло за несколько лет. И теперь мы покупаем в магазине капусту, лук, картошку, яйца, чеснок, огурцы, помидоры, которые привозят из Твери. И все как-то тянутся не землю пахать, а пристраиваются лес грабить. Выписываются практически дармовые делянки под «крестьянско-фермерские» хозяйства, и ... вперед. Появились дубленки на плечах, маши-

ны в гаражах, видеомангофоны и прочая «красивая жизнь». А поля зарастают на глазах. Ольха и осина, они, как болезнь, что незаметно сваливает человека, быстро заполняют пространства когда-то пахотных полей. И кого тут обвинять? А знаешь, почему мы не хотим вдуматься? Потому что нутром чуем — как задумаешься, так нужно привычную жизнь менять и мысли тоже, а это покаянием зовется. Все знают знаменитый вопрос Ушинского — столпа русской педагогики: «Уважаемые коллеги, кого мы хотим получить — выдающегося ученого или человека?» И он ставит на первое место человека. А мы? Нам специалист нужен. С ним проще управиться. Плати, и он пойдет куда угодно, он, как осел, у которого перед носом на нитке висит морковка, будет идти и везти хозяина.

Я могу тебе цитировать Твена, Брет Гарта, Лондона, Уитмена, Фитцджеральда, Хемингуэя, т.е. тех, кто осмысливал жизнь современной Америки, образец которой нам все время пытаются навязать. У них давно разразилась катастрофа семьи, образования, экономики, но мы упрямо не хотим в это вдумываться. И главное, задать вопрос — почему? У всего есть свои корни. И за все надо платить. Если бы у народа были твердые нравственные и духовные устои. Страну нельзя было бы кидать из «огня да в полымя» только из-за того, что детки Брежневых не пускали к кормушке Гайдара и Чубайсов. «Мир принадлежит тем, кто захватывает бразды правления в детской спальне», это старая истина. Ведь, дорогой мой, все давно сказано. Обдуманно за тысячи лет человеческой истории...

С почты я ушел. Дороги не было почти всю зиму... С Великим постом тебя. Жду ругательных писем или весточки или приезда на рыбалку. Сезон наша теперь единственная рыбачка (80 лет) открыла. Я ей дырок во льду насверлил, и она пропадает на озере.

Обнимаю.

Твой Д.В.А. апрель 2003

• Память

ТРАГЕДИЯ В БУДАХ

Встречаясь на своём журналистском пути с людьми, которые подвергались смертельной опасности, беседуя с ними, всё больше убеждаюсь, что в такие минуты многие осознанно или интуитивно обращаются с мольбами о своём спасении к Богу. И спасаются от неминуемой гибели. Тому свидетельство – и эта непридуманная история.

УРОЖЕНКЕ деревни Чёрная Ляда Оленинского района Марии Ивановне Романовой, в девичестве Мельченковой, в начале Великой Отечественной войны было шестнадцать лет, её брату Николаю – четырнадцать, сестре Вере – двенадцать. И в такие свои юные годы они соприкоснулись со зверством, равного которому не сыщешь.

...Нагрывнув осенью 1941 года в деревню Чёрная Ляда, фашисты заняли понравившиеся им дома. В избе Мельченковых фашисты поселились тоже, а хозяевам пришлось искать себе пристанище в хлеву. Только с холодами непрошеные квартиранты «великодушно позволили» матери с детьми устроиться в доме за печкой. Деревенских жителей немцы принуждали ходить по утрам на построение, гоняли на разные работы. Корову Мельченковых они зарезали, а потом привели откуда-то другую тощую коровёнку, стали заставлять хозяйку доить её как можно чаще, каждые два часа требовали молока...

День 3 февраля 1942 года Марусе запомнился особо. Фашисты обходили избы и выгоняли на улицу всех, включая детей и стариков, ничего не объясняя и даже не дав им времени, чтобы потеплее одеться. А потом погнали их по занесён-

ной снегом дороге. Люди, голодные и дрожащие от холода, долго шли и не могли понять: куда же их гонят – в рабство или на смерть?

Так, преодолевая в день по 25 – 30 километров, они дошли под конвоем до Богушевска, расположенного примерно на полпути между Оршей и Витебском.

Здесь немцы стали расселять сорванных со своего места жительства людей по разным деревням.

Семью Мельченковых (вместе с Марусей были её мать, тоже Мария, по отчеству Яковлевна, брат Коля и сестра Вера) поселили в деревне Буда. Туда же попала и их односельчанка Мария Колосова со своими малолетними детьми Колей, Шурой, Надей и Толей.

Взрослых и подростков немцы сразу же начали гонять на разные работы. А есть было нечего. Дети ходили по домам и просили милостыню. Кто-то делился последним, но были и такие, которые обругивали их, обзывали попрошайками и гнали прочь. Весной вынужденным, а вернее – подконвойным, переселенцам выделили клочки земли. Мельченковы, с превеликим трудом раздобыв семена, посеяли ячмень, посадили картошку. Осенью собрали урожай. «Теперь проживём как-нибудь», – подбадривала Марусю, Колю

и Веру Мария Яковлевна. Но...

12 октября 1943 года явились гитлеровцы и тут же стали выгонять народ из домов. Вместе с местными жителями выгнали на улицу и квартирантов. Среди них не оказалось двух Колей – Мельченкова и Колосова. Эти подростки, прослышав, что поблизости есть партизаны, спозаранку подались к ним в лес.

Было морозно. Маруся оказалась на холоде лишь в сорочке с накинутой на плечи шалью ренденькой вязки да в юбке, Вера – в хлопчатобумажном костюмчике, обе – босые. Другие люди тоже были полуодеты, многие – без обуви. Когда народ вывели за деревню, сомнений ни у кого не осталось: гонят на расстрел. Маруся едва могла идти по смёрзшейся, твёрдой, как кость, земле: на ступне правой ноги у неё был нарыв. Когда она отставала от других, следовавший за нею немец толкал девушку прикладом автомата в спину. И Маруся, превозмогая боль, шла...

За деревней полыхал оwin. Люди забеспокоились: не живём ли их в огонь загонять будут? Пусть уж лучше перестреляют.

Маруся и Вера держались
(окончание на стр. 14).

(начало на стр. 13).

рядом с матерью. Вера молилась Богу.

«Господи, помоги! Святой Покров, закрой нас, сохрани от смерти!», – повторяла она, плотая слова сквозь слёзы.

Горящий овин миновали. Толпу привели на пригорок, где её разделили надвое. Внизу у колодца стоял пулемёт, возле него – полицаи. Отдельно от всех, ближе других к пулемёту, стоял парнишка лет шестнадцати. Вдруг он рухнул, срезанный пулемётной очередью. Стали кучками падать и другие люди. Маруся увидела, что Вера сорвалась со своего места и метнулась в ближайшие кусты. Дёрнув Марусю за сорочку, распласталась на земле мать. Девочка поняла её без слов и кинулась наземь рядом с нею. Оказавшись в гуще живых и мёртвых тел, она глянула в сторону Веры и увидела сестру, выглядывающую из-за маленького голого кусточка. Весь облик Веры источал ужас: стриженные волосы топорщились дыбом, страшно тарасились глаза, провал открытого рта, казалось, занимал половину лица. Впечатление было такое, будто Вера кричала, но её голоса Марусе слышно не было, как не слышала она и стрельбы, и воплей, и стонов смертников. Не осознавала: кричит ли сама? В тот чудовищный час ей казалось, что вокруг царила невозможная, пронзительная тишина. Но свидетели, жители окрестных деревень, после вспоминали, что долгий, ни с чем несравнимый вой отчаяния, безысходности, ужаса и боли висел в воздухе и был слышен за несколько километров от места расстрела...

Маруся так и не осмыслила: инстинкт самосохранения или безумный страх заставили её

ползти в ту сторону, где спряталась Вера. Не осталась в скопище тел и их мать. Она откатилась в ближайшую канаву. Маруся с Верой тоже приползли потом к ней. Долго лежали они, притворившись мёртвыми. Слышались одиночные выстрелы. Это немецкие изверги добивали оставшихся в живых людей. Два выстрела, напугавшие Марусю до безумия, хлопнули совсем рядом: первый из них разможил левую грудь матери, второй – искалечил руку сестре. Марусю фашисты или не заметили, или приняли за мёртвую...

Потом они, все трое, лежали в зарослях камыша, укрывшись реденькой шалью. А в нескольких шагах от них семеро крестьянского вида мужчин под надзором фашистов стаскивали убитых в общую могилу и закапывали их. После чего прогремели ещё семь выстрелов. Фашисты ушли, оставив лежать поверх свежего могильного холма семь неподвижных, но ещё тёплых тел...

Закатилось за лес солнце, в небе появилась огромная круглая луна. Она всё вокруг заливала своим светом. А чудом спасшиеся от смерти лежали и ждали тьмы, под покровом которой могли бы добраться до леса и укрыться там. Мороз грыз и щипал их, таких беззащитных перед ним. Оттаявшая от тепла их тел земля исторгала воду, которая тут же впитывалась в одежду и замерзала уже в ней. Даже босые ноги девочек местами покрывал ледяной панцирь.

Когда, наконец, эти трое, осмелев, ложиной добрались до ольшаника, им показалось, что здесь натоплено, так перемерзли они в камышах. Но обманное чувство тепла быстро прошло. И вскоре они и под материнским зипуном, сидя на еловых ветках, плотно прижимаясь друг к другу, ощутили всё тот же зверский холод.

Ночью в лес приходили какие-то люди, слышалась белорусская речь. Мария Яковлевна подала голос, просила о помощи, но те люди не отозвались и ушли.

Рано утром мать вывела Марусю и Веру из леса. Они оказались в деревне Мишуково, где находились партизаны. Рассказали им о свершившейся на их глазах трагедии и о своих мытарствах.

Как вспоминалось Марии Ивановне, партизанам тяжело было их слушать, ведь у многих из них в Буде жили родные, которых теперь не стало. У командира отряда Масальского были расстреляны жена и четверо детей.

Радостной была встреча со своим Колей, все вместе обнялись и плакали от радости, что живы. Но Марусе с Верой, как и их матери, было тяжело смотреть на Колю Колосова, который без всяких объяснений понял, что случилось с его родными. Быстрые слёзы хлынули из его глаз.

...Домой, в Чёрную Ляду, Мельченковы возвратились только в августе 1944 года, когда Белоруссию освободили наши войска, а у Веры и матери подзатынулись раны.

Мария Ивановна в мирное время обосновалась в Нелидове. Она рассказывала мне, что неоднократно навещала белорусскую деревню Буда и, конечно, братскую могилу, которая предназначалась и для неё. И до самой своей кончины, а умерла она в 2002 году, эта женщина словно воочию видела страшную картину расстрела: как замертво падали ни в чём неповинные люди, как в общей панике кто-то порвал нитку бус, надетых на шею Нади Колосовой. И бусинки друг за другом, словно слёзы, сыпались на мёрзлую землю...

**Людмила КУЗНЕЦОВА
(ПОТОЦКАЯ),**

г. Нелидово

«Родовое древо»

В Андреаполь на очередные фольклорно-этнографические краеведческие чтения «Родовое древо», посвящённые памяти известного краеведа из деревни Ворошилово Пеновского района Ивана Васильевича Смирнова, собрались краеведы из нескольких западных районов Тверской области. Разных тем касались докладчики. Речь шла об охотничьих промыслах на территории Бельского уезда в XIX – начале XX веков и об особенностях бельского говора; о традиционном селигерском празднике День рыбака, селигерских напитках и коллекции посуды осташковских медников; о хранителе местных традиций в западнотвинском районе, об этнографах Н. Н. Соболеве и Д. Н. Бартраме.

Из села Ворошилово Пеновского района прибыл директор школы и заведующий Ворошиловским краеведческим музеем, соз-

данным когда-то И.В. Смирновым, Г. Н. Потапов. Он поделился опытом использования краеведческого пространства при реализации курса «История Ворошиловского края». О коллекции керамической посуды в Ворошиловском музее рассказала юный краевед, ученица 9 класса Ворошиловской школы Валентина Оанча.

На снимках: выступает научный сотрудник Тверского государственного объединённого музея (г. Тверь) В.В. Цыков; снимок на память.

ФОРУМ

В декабре в Твери прошел III Региональный культурно-образовательный форум, организатором которого третий год подряд выступает областная творческая ассоциация «Содружество литераторов Верхневолжья».

Традиционно на форуме собирались писатели, музыканты, общественные деятели для обмена творческим опытом и выстраивания планов дальнейшей популяризации художественного слова в Тверской области.

• Редкие песни

Ой, да ты, калинушка

Ой да, ты, калинушка,
Ты, малинушка,
Ой да, ты не стой, не стой
На горе крутой!

Ой да, ты не стой, не стой
На горе крутой,
Ой да, не спускай листья
На синё море!

Ой да, не спускай листья
На синё море,
Ой да, по синю морю
Корабель плывёт.

Ой да, по синю морю
Корабель плывёт,
Корабель пдывёт –
Аж вода ревьёт!

Ой да, корабель плывёт,
Аж вода ревьёт,
Ой да, как на том корабле
Два полка солдат.

Ой да, как на том корабле
Два полка солдат,
Ой да, два полка солдат,
Молодых ребят.

Ой да, два полка солдат,
Молодых ребят,
Офицер-майор
Богу молится.

Ой да, офицер-майор
Богу молится,
Ой да, трудовой солдат
Домой просится.

Ой да, трудовой солдат
Домой просится:
«Ой да, офицер-майор,
Отпусти домой!»

Ой да, офицер-майор,
Отпусти домой,
Ой да, отпусти домой
До матки родной!

Ой да, отпусти домой
До матки родной,
Ой да, до отца-матери,
Жене молодой!»

Золотой запас

Николай НЕКРАСОВ

(1821-1878)

СНЕЖОК

Снежок порхает, кружится,
На улице бело.
И превратились лужицы
В холодное стекло.

Где летом пели зяблики,
Сегодня – посмотри! –
Как розовые яблоки,
На ветках снегири.

Снежок изрезан лыжами,
Как мел, скрипуч и сух,
И ловит кошка рыжая
Веселых белых мух.

Николай Рубцов

(1936-1971)

ВЫПАЛ СНЕГ - И ВСЕ ЗАБЫЛОСЬ

Выпал снег – и все забылось.
Чем душа была полна!
Сердце проще вдруг забилось.
Словно выпил я вина.

Вдоль по улице по узкой,
Чистый мчится ветерок,
Красотою древнерусской
Обновился городок.

Снег летит на храм Софии.
На детей, а их не счесть.
Снег летит по всей России,
Словно радостная весть.

Константин Случевский

(1837-1904)

ЗИМНИЙ ПЕЙЗАЖ

Да, удивительные, право, шутки
света
Есть в пейзаже зимнем, нам
родном!
Так иногда равнина, пеленой
снегов одета,
Богато зарумяненная солнечным
лучом,
Какой-то старческою свежестью
сияет.
Речонка быстрая, что по равнине
протекает
И, кольцами, изгибами крутясь,
Глубокою зимой не замерзает, –
Вступает с небом в цветовую
связь!

Небес зелёных яркая окраска
Её совсем невероятно зеленил;
По снегу белому она, зелёная,
бежит,
Зелёная, как изумруд, как ряска...
И так и кажется тогда, что перед
нами

Земля и небо шутят, краски
обменяв:
Сияет небо, свой румянец снегу
передав,
Цвет зелени полей – он принят
небесами,
И, как бы в память прошлого, как
след следа,
Бежит по снегу белому зелёная
вода.
О! Если б можно было вам,
равнины неба,
Приняв в себя все краски лета и
весны,
Взять наши горести, сомненья,
нужду хлеба –
Отдав взамен немного вашей
тишины
И вашего покоя... нам они нужны.

Афанасий Фет

(1820 – 1892)

* * *

Снег да снежные узоры,
В поле вьюга, разговоры,
В пять часов уж тьма.
День – коньки, снежки, салазки,
Вечер – бабушкины сказки, – Вот
она – зима!..